

ЭЛЕГИЯ ПАБЛО НЕРУДЕ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

■
Перевод с французского
МАРГАРИТЫ АЛИГЕР

Речь идет о земле, говорю вам, о том, как она предает.
Предает за мгновение счастья, даже завтрашний день
предает,

А не только поэта на том берегу океана, который, как
будто в насмешку, называется тихим,

Но целый оркестр тех, кто были крылом ее жизни и кри-
ком о будущем в ней.

Как она предает даже песню в истоке ее бормотаний.

Речь идет о земле, всякий раз продающей нас всех на
убой, словно стадо, ломовому извозчику, первому встречному,
говорящему только кнутом.

Речь идет о земле — полюбуйтесь, прошу вас, как ложится
она даже прежде, чем свалят ее, —

А уж ты-то любил ее, ты-то страдал за нее, ожидал от нее
уж не знаю какого там чуда.

Что ж, она тебя сделает малым ребенком и в жертву про-
даст с молотка,

Чтобы кровью твоей расплатиться за песню, как за пре-
ступление.

О земле я толкую, и не вздумайте, право, искать за сло-
вами, которые я выбираю, иные какие-то смыслы, и не взду-
майте слово «земля» подменять иною какой-нибудь сутью,
с вашей вечною манией путать слова и ставить слова по-дру-
гому, превращая слова в зеркала, превращая их в ад, прини-
мая и самую землю за нечто другое, чем земля, и, теряясь в
догадках, пытаться во мне разглядеть уж не знаю какой там
тайник, какую безмолвную драму, рыбу тайных глубин, что
скользит между сказанных слов и уходит сквозь пальцы кош-
мара. О земле я толкую, и этого, право же, хватит, если знать,
что такое земля, которой касаются плечи, спина, поясница,
широко раскрытые руки, упертые в землю ладони, — земля,
это привкус удушья во рту, и, однако...

И, однако, вы твердо стойте на том, чтобы слово одно при-
нимать за другое и за вещь — отражение вещи. Я кричу о
земле с этой дамбы последней, стоя к морю лицом, я кричу

о земле, этой гибели наоборот, наизнанку. Я кричу о земле, и кроме земли не значит мой крик ничего.

Эта плоть, эта гавань, глубокое ложе, семья наша, род наш — земля, и неужто не хватит с вас слова, которым ее нарекли? И, однако, земля, почему же вам надо, чтобы стала она слезами и потом, обломками рук и костями поколений, сменяющих тшетно друг друга, потому что история — длинный рассказ про людей, обреченных на смерть, а не просто земля, не земля, что зовется землей, почему же...

Почему ж вы меня не хотите понять? — Я твержу о земле, об одном умоляя: нипочем не искать никаких аллегорий других.

О земле, об одной лишь земле, о земле, ни о ком о другом, и не вздумайте землю ничем подменять, никаким существом, никаким миллионом существ, чью я вижу курчавую гриву, не вздумайте, право,

Забывать, что молчание зеркалом больше не служит, случка слов невозможна, бокалы не сдвинуты, тостов больше не слышно,— ничего — это есть ничего и не больше того, и ничто ничего отразить не способно, а уж ежели это сильней вас и если земля в горьком рту моем по разумению вашему значит нечто другое, уж ежели так,

Будьте прокляты вы, но не я, но не я, ибо я говорю о земле, лишь о ней, ни о чем о другом, о земле.

Об измене земли говорю я, о предательстве, только о нем, и не надо, не надо меня загонять, как оленя, в слова мои, словно бы в логово, ибо земля —

Уж она-то готова всегда предавать человека; уж она-то готова всегда повернуться к кромешному мраку, осудить воображенье, учреждая животное царство, суверенное дикое царство, царство подданных, только глухих, словно скот, и слепых, как Эреб, тиранических древних повадок, царство, чья королева, срывая ярмо, отдает себя в жертву всечасно.

Да, земля,— не глядите глазами сомненья, головой не качайте опять, не ищите метафор — земля!

Да, земля, да, однако, земля моя, видите, как я ногами топчу ее, землю мою, от которой не в силах отречься. Земля моей тени, молчанье мое, земля, из которой я создан, терпеливая плоть, моя мука, земля, что во мне, не узнавшая собственной раны.

О земля слепоты, я ищу для тебя оправданья, ибо ты ничего не скрываешь, земля, для которой творю я слова, что исполнены смутного смысла и яркого света полны.

Земля, для которой всечасно я высекаю огонь и сгораю на этом огне, который я сам породил; любимая мною земля, до чего мы похожи с тобой, трепещущая земля, блуждающая земля.

Земля народа во мгле, что враг самому себе,

И жизни не хватит моей, чтоб увидеть: рассеялась ночь.

Ах, земля, человечья земля, вдруг тебя сотрясает дрожь, и всегда наступает ночь, чуть поверишь, что скоро рассвет и что скоро забрезжит заря,

И управившись с нами,

Связав по рукам и ногам, выдает нас земля своему обожжаемому ломовому извозчику именно в это мгновение,

Когда небо далекое — рядом и бледные губы его приоткрыты для нас.

Человечья земля — упираюсь коленями в землю, — человечья земля — перед ней преклоняю чело, — человечья земля без пощады, отчизна моя,

Глухая и к песне моей, глухая и к сердцу и к слову, и любимая мной, как любимые были любимы,

Глухая к любви, что тебе приношу униженно.

Пабло, дай мне скорей свою руку, я теряю дорогу меж слов этих схожих и разных — они, словно тайные двери.

Как ты, Пабло, когда-то сказал о ногах, погруженных в вино?

О ногах, что давили осенние гроздья.

О вине, сотворенном ногами народа.

1966 г.

